

От автора
бестселера
«Ваня и
исчезнувший»

Галина
Щербаткова

Кто из вас генерал,
девочки?

- [Галина Щербакова](#)
 -
 - [О книге](#)
-

Галина Щербакова

Эмиграция по-русску...

Книга подготовлена пользователями библиотеки <https://fb2.top>. Читайте или скачивайте эту и другие книги на сайте библиотеки бесплатно и без регистрации.

Адрес публикации: <https://fb2.top/emigraciya-po-russku-hellip-166758>

Я знаю ее, сколько помню себя. Теперь мне даже кажется, что она появилась в моем детстве не случайно. Она своим явлением как бы запустила ход механизма осознания меня собой, с чего все и пошло-поехало, а не возникни она тогда – где бы я была сейчас? Может, в каком-нибудь дурдоме пускала бессознательную слюну, а может, кем-то другим запустился ход моих клеток и я стала бы Раисой Горбачевой или Эдитой Пьехой? И не бежала бы я сейчас, как идиотка, через этот чертов овраг на Звездном бульваре, а тыкала бы в жизнь нежным пальчиком: с какого, мол, боку тут вкуснее и мягче?

А с другой стороны, если по-честному... На хрена? Тем более сомневаюсь я очень, что эти мною упомянутые дамы так уж действуют нежным пальчиком. Под каждой крышей соответственные мыши. Я обожаю эту притчу о котомках с горем. Припер их народ нашему Богу, кто-то ему, народу, сказал, что Бог разрешил: «Пусть приносят свое горе». Свалили люди свое горе под царские врата и рванули домой. Но случилась какая-то незадача, и Бог велел вернуть людей, чтоб они назад забрали свои котомки. И вот народ ринулся обратно к вратам и стал разыскивать каждый свой мешок. Не то что кто-то принес большой, а норовил схватить малюсенький. Нет! Каждый отыскивал свое горе.

Для меня в этой притче – все. Вся человеческая природа. Хоть какое – но мое. Я сама такая. А то, что такая, это точно оттого, что мы с ней в детстве встретились. И теперь у нее заболит – у меня тоже, она подумает, а я начинаю бежать в том направлении, которое в ее сером веществе смутно сложилось в какой-то образ дороги.

У нее – образ. А я бегу...

Первое воспоминание такое. Мама ладонью черпает воду из корыта, которое стоит у стока с крыши. В нем копится дождевая вода «для головы». «Для лица» и тем более «питья» вода эта не годится никоим образом – пойдешь пятном, изойдешь рвотой, ибо – какой отвратный союз! – ибо именно в дождевой воде набирает вредную силу ржа. Ржавчина, значит. Почему она там набирает силу? Где это записано? Кто это сказал? На эти вопросы ответов не будет.

И вот, несмотря на все это – что уже непостижимо, – моя собственная мама, грубо взбаламучивая воду, умывает меня из запрещенного корыта. Для такого нарушения правил жизни должно же что-то произойти? Должна же быть причина? Причина стоит, можно сказать, на глазах. Это толстая девчонка с большими и немигающими буркалами. Я до сих пор не отвечу на вопрос: красивые они у нее или нет? Широкие, высокие и вперед – глаза. Цвет – гудроново-серый. Ресницы – на вид – колючие, жесткие и как деготь. Абсолютно не требуется красить. Ощущение грубой накрашенности есть изначально. И даже возникает мысль: накрасилась небрежно, комками и теперь боится сморгнуть, не мигает, а у другого, глядя на нее, начинает пищать слеза от ее будто бы напряжения, которого на самом деле у нее-то нет!

«Да не глазливая я, не глазливая!» Это ей надо всю жизнь повторять, объясняя свой тяжелый немигающий взгляд, особенно в тех случаях, когда ей предъявляют маленьких детей. И я тоже всю жизнь подтверждаю это. Не глазливая. Верно. Наоборот! То есть наоборот – не то слово, она и хорошего ничего не может, не в том смысле, конечно, что не может – не хочет, стерва, мол, а в смысле не обладает какой-то там экстрасенсной силой. В общем, глаза ее – камень преткновения в знакомстве. Почему они такие? Это ведь каждому объясни, а я сама не знаю, но говорю: бояться ее глаз не надо. Не опасно. Просто такие глаза. Возвращаюсь в детство. Мама сказала мне тогда, после дождевой воды:

– Ганя! Дружи с девочкой. Видишь, на ней все чистое и сидит как на человеке, а тебя как в ступе толкли.

Я подошла и ткнула ей пальцем в глаз, так он меня, ребенка, вывел из себя. Собственно, сам этот факт ткнутия я не помню. Но история – как это говорится? – передавалась изустно. В ней

фигурировали две девочки – чистенькая и грязная. Сказочной метаморфозы тут не было и даже не подразумевалось. Грязная оказывалась и дрянью. Это она ткнула пальцем в глаз чистую. Хорошо еще, что ее мама перед этим вымыла ее лицо и руки дождевой водой, а то ведь могла и инфекцию в глаз внести. Ганя эта – я значит – была затруха будь здоров. (Я уже теперь полезла в словари, почему затруха? Быть затрухой – быть обсыпанной?) У мамы понятие было шире. Мамино понятие приближалось по внутренней глубинной сути скорее к затраханности. Это уже сегодня понятно всем: «меня затрахали». И не надо лезть в словари. Достаточно посмотреть на человека. Но мама все-таки говорила – затруха.

Маленькая фонетическая разница. А и У. Как в букваре – ау, уа. Смещение звуков произошло уже во времени. Затруха (неопрятная, во всю грязь вступающая девчонка, вечно со следами съеденного и изжеванного на груди и животе, одним словом, дитя, которое не гордость матери) превратилась в затраха (советскую женщину из очереди, из автобуса, из бельэтажа театра, из гинекологического кресла, где она возлежит с враз озябшими голыми ногами, потому что кресло прямо перед форточкой и пронзительно дует в самую нутрь, а врач ушла в соседний кабинет мерить австрийские сапоги, а ты лежи, это твое место и время, дура распятая). И как точка, как тавро – затраха!

А что стоило сказать мне в детстве: «Красавица ты моя! Куколка!» Глядишь – и было бы все по-иному. (Горбачева или Пьеха.)

Мама же как бы словом определила мне жизнь. Только не ищите в «затраханности» полового смысла. Полное наличие отсутствия. Но это, так сказать, отступление, которое вполне можно – взк. Так тоже говорила мама. В смысле – долой, вон.

Меня преследуют слова детства. Иногда я не знаю, куда мне от них деваться. Например, одоробло. Нет такого слова, оказывается. А во мне есть. Это плохая неуклюжая мебель, неподъемная кладь, это то, что ни в дверь, ни в окно. Гроб с покойником в пятиэтажке. И хоть бы одно, хоть бы одно из моих детских слов несло счастливое содержание. Даже слово «скрипачка» рифмовалось в каком-то стишке с болячкой. Так вот и живи потом.

Итак, давным-давно, умытая дождевой водой, я получила наставление дружить с девочкой, отличавшейся от меня

незатруханностью и бельмами навывкате.

– Варенька! – сказала мама противным, не своим голосом. Этот голос всегда выдавал ее. Она оскорблена, задета, возмущена, а голос весь аж липнет, столько в нем сладости. Эти новые соседи – мать и дочь – чем-то задели маму. Обе в белых отглаженных платьях с мережкой по подолу, в белых баретках, на плечи накинуты «баядерки». «За всю свою жизнь, – кричала мне мама уже перед смертью, – я не сносила хорошей „баядерки“. Даже вигоневой, не говоря уже о гарусе. Такое мое счастье».

Думаете, что это такое – «баядерка»? Кофта на пуговках с глубоким мысом, дерьма пирога. Так вот у наших новых соседей «баядерки» были сразу, а мама о них еще мечтала. Отсюда и голос ее с перебором липкости, чтоб никто не догадался об ее обиде. Это было то довоенное время, когда, несмотря на все, еще и маленько стыдились в себе плохого. Это уже потом всем миром сообразили, что накладно для выживания носиться с маленьким стыдом, а с большим тем более. Накладно!

Но самое интересное в словах – это зависимость от них всей жизни. Роль, так сказать, клейма слова. О ней же – чистенькой – было сказано так: «О, эта Варенька!» «Чурка с глазами!» – вставила я. «Нет, – ответила мама. – Она умненькая. Она глазастенькая. Она на три метра под собой все видит. Ты у нее учись...»

Вот откуда это мама знала?

С тех пор мы и дружим. И ничего не изменилось в раскладе. Я, конечно, учусь у нее, как мне предписано судьбой, что не мешает мне одновременно тыкать пальцем в ее поступки и в ее слова. Я ее все время уличаю и разоблачаю, а она все это сносит и дружит. Я бы с собой – скажу честно – сроду не дружила. Я бы уже подложила себе такую подлянку, что не обрадовалась бы, но ей мои мелкие подлости хоть бы что. Только, ради бога, не подумайте, что Варвара – размазня или ангел. Тут вы сразу попадете пальцем в небо. Она крутая и сильная, как вездеход или там ломовик. Но у нее есть любимая фраза: «Людам и без меня хуже некуда...» В общем, она старается не отягощать жизнь другим. Мне, например, не дает сдачи. Из этого ее принципа проистекают и другие ее свойства: автономность защиты и самозащиты, такое «извините, я сама, вам и без меня хуже некуда». Но это потом сформулируется в слова, а начиналось все как у детей. Меня

вымыли ржавой водой, я отомстила пальцем в глаз, мама своей тяжелой рукой двинула меня по спине, ее мама перехватила руку, поднятую для второго воспитательного раза, Варвара молча терла ткнутый левый глаз, правым изучая меня, до сих пор помню и вижу ее большой немигающий зрачок.

– Она больше не будет, – сказала Варвара нашим мамам.

«Как же, как же! – думала я. – Я тебя изуродую, как Бог черепаху».

Это было новенькое с иголочки выражение, вывезенное мною из Москвы. Мы с мамой только что ездили туда в гости, и был там мальчик в брючках на помочах, который много чего объяснил провинциальной гостье-малолетке, тем более что он впоследствии пообещал на ней жениться, и вот он без конца повторял эту фразу: изуродую, как Бог черепаху. Я видела черепаху только на картинках и, в сущности, не понимала смысла этих слов. Черепаха не выглядела хуже хорошо знаемой в лицо собаки или там коровы. Наоборот. Мне она нравилась. Но слова столичного мальчика в помочах были сильнее собственного восприятия. О, сила подавляющих нас слов! В моем случае она превращена в порок, я слепо, по-дурному верю слову, написанному и сказанному, всю мою жизнь.

Тут требуется пояснение. Я не так верю: да – значит да, нет – нет. Все может быть совсем наоборот. Но если слово сказано, а уж тем более если начертано, то чему-то обязательно быть. А хуже нет слова оброненного, как в случае с мальчиком и черепахой. Ребенок ляпнул, другой впечатлительный ребенок всосал, и бедная черепаха – красавица, в сущности! – стала символом уродства. И уже все мне не так – ни панцирь, ни шея, ни глазки по бокам. Ужасная несправедливость по отношению к черепахе. Но я – такая. У меня – так.

Идем дальше. Нас с Варварой ничего не связывает в смысле черт характера. Я могу запросто пнуть ближнего, у меня этого – «ему, мол, и без меня плохо» – нет. Но я буду ликовать вся оплеванная, если меня до этого предупредить, что в меня не плюнут, а окропят Божьей росой. Оплеванная вполне могу существовать как окропленная.

Мы дружим уже полста лет. Ужас. Старухи старые. И все у нас как в детстве.

Боже! Какое там детство!

Чего это я к нему прицепилась? Но меня так выбило из колеи последнее саморазвитие Варвары, оно, что называется, уже за гранью, и во мне просто стала разматываться пленка назад – до корыта с дождевой водой, – потому что если я сама себе не объясню, как это она могла, то я просто не выживу. Очень серьезные во мне подрубаются корни. Можно сказать, первооснова моих основ.

Мы с Варварой почти чистокровно русские. Ну, есть там какие-то вкрапления украинской крови у меня, а у нее где-то там в глубине были немцы, но это уж если очень придирается и копать. Это что касается пятого пункта. Потом вы поймете, почему я начинаю с кровей. Дождевая вода и сразу пятый пункт. Сейчас много разговоров о том, что, мол, раньше эти вопросы не возникали, что все жили дружно, было единство и т. д. и т. д. Ха-ха! Фамилия моя Дибич. Зовут – Ганя. Не Галина, не Агафья, не Гаяния – есть и такое имя. А просто и коротко – Ганя.

Это не существующее в природе имя дал мне отец. Мама рассказывает, что он искал, чтоб ни у кого, но чтоб это и не было иностранщиной. Отцу, как я теперь понимаю, очень хотелось что-то создать, а что может создать маркшейдер? Он решил придумать имя. Соединил Галину и Ваню. Это его и мамино имя. А перед этим – следите за абсурдностью ситуации – он сам выправился в Бориса, потому как Иван ему же показалось грубо и неинтеллигентно. Маркшейдер Иван это же фу по сравнению с маркшейдером Борисом. Царство небесное тебе, папочка. Знал бы ты, сколько сейчас бегают Ванечек и как-то очень изредка Борисы. О Господи! О дичь!

Итак, я Ганя. Так вот всю жизнь – всю! – мне надо было оправдываться, что я, Ганя Дибич, – не еврейка. Тем более что мне жутко не повезло с отчеством по глупости папочки. Борисовна. Все! Конец света. Ганя Борисовна Дибич. Дважды выходила замуж, но – это надо знать мой характер! – в последнюю минуту леденела, как Карбышев. И ни Лубенко, ни Шаламовой не стала. Так и осталась вся из себя до конца Дибич. А Варвара – не просто Варвара. Она Варвара Ивановна Колотушкина. Просто не имя, а подарок обществу «Память» на день рождения царя. Теперь внешние данные. Я изначально, от роду белесая, плохого цвета. При помощи химии я золочусь, но в общем, по лицу меня ни в чем не заподозришь. Это надо, чтобы произнесли

«Ганя Борисовна!» – и сразу какая-нибудь сволочь возникает просто из воздуха.

– А вы обращали внимание, – лепечет сволочь, – на ее зад? Он же у нее приплюснутый!

Да! Приплюснутый зад опровергнуть нельзя. Нельзя его скрыть или подвергнуть операции. Он такой. Он основополагающий и краеугольный. Это правда... Некрасивый. Мама мне вдалбливала, чтоб я носила пышные юбки, а талию туго перехватывала широким поясом. Но! Где теперь эта талия?

Вы поняли, куда я гну? всю свою уже длинную жизнь я этими своими признаками ощущала национальную проблему. Потому что приплюснутый зад в нашем городе считался еврейской чертой.

Варвара же – Колотушкина, моя подруга. Ну, глаза – гудроновые и слегка навывкате. Нос тоже не лучший в смысле чистоты расы. С горбиночкой. Волос плохой, сеченый, но с некоторой волной, а в чисто вымытом виде даже вполне крутой волной. Придаться есть к чему – волнистость, горбинка, буркалость роговицы. Но что значит имя – Колотушкина. Это как черепаший панцирь. Или там долбаная кираса. Никто, ну просто никто ее ни в чем и никогда заподозрить не мог. И правильно. Она же чистопородная женщина. И говорю я это, чтобы сравнить с моим случаем и подчеркнуть: у нас с антисемитизмом и раньше было хорошо. Хотя меня, дуру, это долго-долго ничему не учило, а могла знать и понять: если он есть – есть и многое другое. Это же чистый материализм. Антисемитизм – это любимый цветок джунглей подонства. Я, Ганя Борисовна, кричу об этом уже столько лет, что охрипла. Это не образ, черт вас дери, а действительно заболевание – у меня атрофический фарингит.

А Колотушкина, между прочим, здоровая женщина. Я ору, размахиваю руками, качаю права еврейского народа – вы должны были об этом догадаться, исходя хотя бы из той детской истории, когда я ткнула пальцем в глаз Варваре. От своей природы мы – никуда. Это как приплюснутый зад, который носишь с собой всю жизнь и под любой клешеной юбкой знаешь о его существовании. В этом смысле я объективный материалист и признаю не просто первичность природы, а, так сказать, ее формообразующую суть. Форма зада определяет форму поведения. Вы видели, чтоб было наоборот?

Моя любимая подруга Варвара Колотушкина – совсем другое дерево. Мы с ней – слово и дело. Я ору, она совершает поступки. Бывает и не совсем так, но всегда я – шумная часть, она – тихая. Но главные бродильные процессы все-таки в ней. Пропуская детство, юность, сразу перехожу из квамперфекта в сейчас. Знаете, что в ней главное сейчас? Чувство опасности. Оно в ней отлажено, как японская техника. Она не кричит, не вопит, а просто щелкает тумблером.

Двадцать литров воды в кастрюлях и банках. На случай... Рядочком или спинкой друг к другу рис, пшено, греча, сахар, соль, мука, макароны. (С последними неудобно из-за их разновеликости. Соломку приходится класть плашмя, высокая, зараза, не влезает в шкафчик). Теперь вот мыло, порошок. Заварные чайники. Зубные щетки. Резинка для трусов.

Я ненавижу в ней это, но, если я узнаю, что она что-то купила «на случай», я просто холодею и бегаю, бегаю, пока не достану то же. Последний раз это были, между прочим, плечики для одежды. Трембеля. Дерьма пирога! Но она мне первая сказала: попадутся плечики – бери сколько унесешь... «Да их навалом!» – закричала я. «Да? – засмеялась она. – Ну-ну...»

Плечиков нигде не было. Господи! Думала, спячу, пока найду. Нашла. Заныкала. Теперь царапаю о них руки, когда лезу на антресоли за туалетной бумагой.

Как бы я ни относилась к этому свойству Варвары, но то, что у меня всегда есть чай, – это она. Она раньше всех мне сказала: «Озаботься». Сейчас я комплектую набор электрических лампочек по пять штук на все виды напряжения. Утюг у меня в запасе тоже, между прочим, с ее подачи. Теперь все ополоумели, а у меня стоит, лапочка, нераспакованный и еще чугунный в придачу. Это я сделала уже сама от себя. Проявила инициативу и была очень одобрена Варварой. Она тоже купила. Два. «Между прочим, держу у входной двери, – сказала. – Мало ли... Это еще когда я достану пистолет или слезоточивый газ...»

– Пистолет? – закричала я.

– Именно, – ответила она. – Помяни мое слово, мы к нему придем...

Верю. Придем. Это ей принадлежит уникальное наблюдение. Если принимается широкомасштабное постановление по мясу или там по удобрению – знай: это в стране кончилось навсегда. Я пошла в

библиотеку почитать сборник основополагающих постановлений по... Один к одному. Все опостановленное кануло. С ужасом думаю о 2000 годе, когда нам всем обещают отдельные квартиры. Что имеется в виду? Страшное постановление... «Неужели?» – спрашиваю я ее. «Вот именно!» – отвечает она. «Ты всегда! – кричу я ей. – Ты каркаешь! Каркаешь!» «Успокойся! – говорит она. – Надо искать выход». – «Какой выход? Какой?»

Она стоит на фоне кухонного окна, между рамами которого выставлены одна на другой банки тушенки «Великая Китайская стена». От черно-белых банок в кухне полумрак. Ее сеченые волосы красновато отсвечивают – она красится только хной. Я не вижу выражения ее глаз, я его чувствую, будто меня толкают в грудь. Иди! Иди! Не стой! Надо купить кастрюли. Это не к добру, что они продаются сейчас в кондитерских отделах. Это знак. Сигнал. Я уйду. У ее порога связанные за ручки стоят кастрюли. Вперед, Ганя Борисовна, вперед!

Господи! Зачем мы выросли? Зачем...

Во время бомбежки наши матери прятали нас в погребе. Когда переставало грохотать, нас осторожно выпускали помочиться. Очень хорошо это помню. Тихо-тихо, светло-светло, и мы над травкой. Сидим подольше. Радуюемся.

– Знаешь, – говорит Варвара. – Отсюда и дети выходят. Не веришь? Хоть у кого спроси...

Разве такое спрашивают! Это надо принять за основу или опровергать...

В то наше детское время я ее опровергала. Я ей сказала, что доподлинно знаю: дети появляются из живота при помощи «сечения». Я сама видела у своей мамы шрам.

– Дура, – сказала она. – Никаких шрамов. Писька расширяется, как дверь... – Она старается заглянуть себе между ног. Вдыхает: – Туда много чего может войти. Мы ведь растягиваемся.

Нас загоняли обратно в погреб, на доски, положенные на бочки, на старое стеганое одеяло. Почему-то надо было на них лежать, а не сидеть. Почему, не знаю, не помню. Мы лежали, матери сидели на табуретках, табуретки стояли в воде (погреб заливало), бочки стояли на кирпичках... А! Вот в чем дело. Лежа, мы вроде бы как меньше расшатывали бочки. Положение лежа – оно безопаснее...

Чего меня занесло в этот погреб? Матери договаривались, как нас спасти дальше. Они разрабатывали два варианта. Первый. Пришли немцы. Спасительницей становится мать Варвары. Немцы ее не тронут, не должны, так как отец Варвары расстрелян нашими. В 37-м. Если же вернутся наши, то уже моя мать берет на себя главную функцию по спасению детей, поскольку наш отец на фронте. Такой вот расклад. Моя мать вполне была готова умереть при немцах, а Варварина при наших во имя нас. И я помню, помню тот разговор, потому что Варвара лежала рядом и бормотала: «Пусть придут немцы! Пусть придут немцы!» – а я молилась словами: «Да здравствует Советская Армия!»

Матери же нас не слышали, они все обговаривали по деталям. Они перечисляли, что перейдет к выжившей матери вместе с лишним ребенком. Я даже помню слова: «Извини, Галя, я не такая богатая, как ты!» Это говорила Варварина мама. А моя сказала: «Лиза, не забудь вынуть из ушей сережки». «Ой, – воскликнула Лиза. – Бери!» – «А мы разве уже знаем, кто победил?» И они так стали хохотать, что всколыхнули стоячую воду погреба и запахло таким вонючим затхлым рассолом и какими-то отсырелыми мышами и вообще поднялась такая тухлость, что мы с Варварой раскашлялись, а тут снова стали бомбить, кашель, вонь, бомбы, страх, а моя мама говорит: «Господи! Зачем мы родили детей?» А Варвара вдруг возьми и скажи: «Тетя Галя, объясните Гане, откуда появляются дети, а то она до сих пор не знает».

«Как не стыдно!» – закричала Варварина мама. «Это же вы рожали. Не мы...» – ответила Варвара. «Значит, оттуда... – решила я. – Раз не могут ответить одним словом...» Тогда я дала себе слово под салютом всех вождей, что со мной этого безобразия по растягиванию не будет. Никогда! Это и стыдно и противно.

Мы с Варварой «растягивались» дважды. Аборты я не считаю. Это мелочь.

Ненавижу себя! Вместо того чтобы четко и коротко рассказывать, что случилось, я наворачиваю подробности с этим погребом, с войной, со всей этой до блевотины надоевшей людям хурдой. Ну, скажите, Христа ради, какой еще народ пятьдесят лет спустя упивается подробностями бомбежек, голода, эвакуации, сидения в сыром окопе, отклеивания приставшего к ране бинта – кровавого, гнойного, вонючего, пересказываниями рецептов выживания зимой, когда

подметки отваливаются от мороза, и летом, когда ломаются на кусочки от потной жары? Кто еще, кто обладает этим свойством – потерю всего, что имел, через время превратить в ежегодный праздник с бряцанием медалей и стаканов? Но вот я – женщина вроде как, хотя иногда думаю, какая там женщина? Ну какие у меня признаки принадлежности к этой части человеческого рода? Единственно рожальное свойство. Немало – скажете, а я скажу – ерунда, потому что ничего больше – ничего! – поэтому не надо мне лепить горбатого. Не надо! Какая там я женщина? Я – ломовая лошадь. Я – цепная собака. Я – буренушка. Ну вот опять меня занесло... Иду дальше...

Наши мамы – пропускаю все лишнее – умерли почти в одном возрасте: моя в сорок, Варварина в сорок три. И обе от рака всех внутренностей. В общем, их, бедняжек, хватило на то, чтоб спасти нас в войну и дать дурам образование. Причем моя покойница-мама считала, что вторая часть – образование – важнее. Потому что, по ее мнению, если нет его, диплома, то не было бы смысла спасать вообще. Я маму отблагодарила хорошо. У меня красный диплом. Хотя было, было у меня желание закопать его вместе с мамой, как принадлежащий ей по большому праву. Такая у меня была на могиле истерика.

Встретились мы с Варварой через несколько лет. Давай встретимся – давай. Не то что душа рвалась, хотела, а скорей от сознательности. Предъявила она мне мужа – такой заросший черным волосом еврейский недомерок. Мой первый рядом с ним выглядел как Добрыня Никитич. Мы с моим все сидели и переглядывались на эту тему: дескать, зачем ей такой? Что ее заставило? Любовь просто нельзя было вообразить. «Как его фамилия?» – спросила я Варвару, когда мы выносили в кухню тарелки. «Колотушкин» – ответила она. «Вы прямо нарываетесь», – засмеялась я. «Ага», – ответила она. И все. Помыли тарелки и разбежались на много лет. Думаю, что этот мой вопрос сыграл в нашей жизни не последнюю роль. Я же вам сказала. Я Ганя Борисовна Дибич. Русская. Чистокровно русская, окруженная всеобщим недоверием. Боже, как я ненавижу! Да, да, уже поэтому я русская, это свойство моего народа – ненавидеть. Какой дурак распустил эти слухи о его якобы нечеловеческой доброте? Объясните мне тогда это пристальное взглядывание в глаза и строчки паспорта и сверяние дотошное, тщательное – буквы и тела. Со знаком изначального недоверия. Да, не похожа. Эта Дибич белесая. «Как

моль!» – говорю я громко на эти внутренние жгучие вопросы. И стараюсь не поворачиваться задом. (Помните? У меня грабаркой приплюснутый зад.)

Итак, я была возмущена тем, что Варвара отдала карлику свою фамилию, о которой в наше время мечтать и мечтать. Ко-ло-туш-ки-на. Это роза, а не фамилия. Округлое, мягкое оло. Черт с ним, что в изначалье в смысле тут битье, драка. Звучит хорошо – пору секу! Меня вроде как занесло на русофобию, так нет и еще раз нет. Или да и еще раз да. Как хотите.

Моя история – тест. Опросите сто первых прохожих и спросите, какая фамилия им лучше – Дибич или Колотушкина. И вас спросят: в каком смысле? Потому как сразу видят смысл. Сразу! И ответы посыпятся как горох. Будет много разного. Дибич – это пижонство. Это – для сцены. Это отдает белогвардейством. Это красиво, но не... Колотушкина – это смешно, радостно, это так народно, это не подкопаешься, это оло, еле, ере...

Маленький, обросший черным волосом еврей стал Семеном Колотушкиным, а я – русская! – оставалась в своей подозрительной бессмысленности.

Потом годы побежали наперегонки. Это не фигурально, а в самом грубом, прямом смысле.

Привожу пример. Шестьдесят третий догнал меня в шестьдесят восьмом, хотя я и думать о нем забыла. Я уже тогда вышла замуж во второй раз и родила Нюську, а сыночек мой Олег окончил восемь классов, будь здоров разница между кровиночками, и наши вошли в Чехословакию. Я, значит, кормящая, Олег в турпоходе, а мой второй муж говорит мне с внутренней такой тоской-печалью. Надо сказать, что мой первый был человек внешний. У него и мысли, и чувства, и поступки рождались прямо на коже. На эпителии, как сказали бы медики. Я даже иногда думала, что внутри он цельный, из единого куска. Зато шкура! Не то что на жар-холод отвечает, на все! На музыку, на формулу, рукой по нему проведешь, и не надо вникать в слова и поступки. На этом мы и разошлись. Все-таки я женщина глубокая, это у меня не отнимешь. Так вот, мой второй тоже из глубоких. Он мясорубку крутит, а я чувствую, как у него где-то в потрохах сидит такое неприятие и мясорубки, и мяса, и дощечки с луком, что он ненавидит мясорубный винт, и нож, и решетку, но, в общем, я его

чувствовала будь здоров, хотя он при этом стоит, крутит ручку, улыбается, даже посвистывать может. Так вот, говорит он мне в шестьдесят восьмом августе, когда я сижу и сцеживаюсь в майонезную баночку: «А не заведи мы с тобой в шестьдесят третьем шуры-муры, – сказал он, – искали бы меня в этой стране черти...»

Хочешь – принимай как юмор, хочешь – оскорбись за державу. Действительно, у него был в те годы роман с одной итальянкой. Летучий такой роман, тогда это еще не расцвело махровым цветом. Так что никаких там усилий для больших побед над соперницей мне не требовалось. Подумаешь, два ее приезда и два раза переспали в номере на двоих, у него была коммуналка на улице Горького, напротив Моссовета, окнами на флаг. Разве поведешь девушку? Мы тогда в смысле жилья легко рокинулись. Мой первый, можно сказать, радостно переехал на флаг, а этот мой второй, «внутренний» мужчина, – в нашу «хрущобку» на Звездном бульваре.

Потом такое было не раз. Из прошлого прибежал какой-нибудь год и давал мне под дых, под коленки, а то по шее. И когда я стала изучать на самой себе это «явление прошлого» и задумалась над тем, что бы это значило, чем я такая меченая и одна ли я такая, в Москве возьми и объявись Варвара. Она тоже вышла замуж вдругорядь, от Семена Колотушкина у нее остался сын Игорь, красавец, каких мало. Высоченный, кудрявый, с гудроновыми материнскими глазами. И к тому же какой-то редкостно одаренный в математике. Одним словом, Колотушкины резко пошли вперед! У нее была и дочь (вы чувствуете параллелизм судеб, заквашенный в недрах тех бочек, на которых мы лежали во время бомбежек?). Теперь смейтесь! Муж у нее назывался Ивановым Иваном Ивановичем. Дочь ее носила простенькое имя Марья. Как интеллектуальная лимита, они получили квартиру на Ленинском, возле герба-капусты, который когда-то начинал или кончал город, а сейчас уже неизвестно что означает пребыванием на середине. Ничего-ничего, и вдруг герб. Я вдруг подумала, не заподозрите ли вы меня в нагнетании социалистических символов – там флаг, тут герб, на что, мол, я намекаю? Ни на что! Каждый у нас может сказать, что из его окна площадь Красная видна. С этим ненапряженно. Подойдите к окну и посмотрите. Я очень удивлюсь, если вы не увидите знак, где вы живете.

И хоть все в Варвариной жизни было хорошо (это не только на мой пристрастный взгляд, но и объективно – начиная с высоты потолков – три метра – и кончая фамилией), сама Варвара вся была как струна. А я тогда была очень размагничена. Варвара уже предчувствовала, а я нет. Она меня предупредила о первой массовой пропаже белья в магазине. Я тогда просто для смеха зашла в ближайшую галантерею и увидела стопочки пододеяльников, простынь, наволочек. «Варвара – провинциальная паникерка», – подумала по дороге. Зашла в мебельный, походила между гарнитурами, неважно, что мне они не по средствам, важно, что они стоят красивенькие такие, блестящие, я могу в своей мечте поступательно к ним двигаться и в конце концов приду когда-нибудь и куплю... А наволочки... Что наволочки? Вот их я могу купить сейчас, но принципиально не буду. И потому что не хочу верить Варвариним словам, и класть некуда. Смена есть, и слава богу, я ведь еще помню время, когда у меня не было и одной смены белья. Тогда я затевала раннюю утреннюю стирку, подушки горбатились в наперниках, и с них сыпалось внутреннее содержание, но к вечеру я все отглаживала – и ничего страшного, абсолютно! А теперь у меня есть смена, а наволочек даже две смены, так что я, тронутая, покупать впрок? Зайду и куплю по мере надобности. Конечно, я тут же попалась. И крепко. Потом была история с посудой, с тюлем и так далее, и, надо сказать, Варвара всегда меня предупреждала и ни разу не ошиблась, и все это по чутью, не то что у нее какие-то связи в торге или в горькоме партии. Просто сверхчувствование.

Но все эти торгово-закупочные свойства – мура по сравнению с главным. С тем, что сейчас.

Недавно она у меня спросила (а глаза тусклые, гудроновые):

– Как будем отправлять детей?..

– Куда? – спросила я, и так спокойно, даже не вздрогнула, хотя дети уже из всяких пионерлагерей выросли.

– Отсюда, – ответила она.

Вы уже поняли, что я от нее всегда чего-нибудь жду. Прогноза о рисе или там бельевой резинке. Но тут я не врубилась. Стою, как Дуня с мыльного завода, а у нее глаза загудронились так, что совсем не отвечивают, как левая сторона копирки, то, что я больше всего в ней не люблю, хотя какое это имеет отношение к личности, это природа. И

еще у нее есть манера: пальцем указательным двигает по шее – вверх-вниз, вверх-вниз, будто у нее там что-то застряло. Лицо делается дурное при этом, даже тупое. Мы ведь уже с ней не молоденькие, мы даже уже не средний возраст, если по-честному, мы – пожилые тетки, и следить нам за нашими привычками надо особенно. Мои дети, например, очень раздражаются, когда я задумаюсь и грызу ноготь, они как ждут этого, будто подслеживают. Нюська так прямо в крик. Я – ей: это, в конце концов, мой ноготь. Не твое собачье и так далее. Но сама для себя решила: надо следить. Я с детьми и вообще со всеми молодыми по стойке «смирно», чтоб, не дай бог, не проявиться так, чтобы им стало противно. Потому что понимаю: себе они простят и сгрызанные ногти, и запах пота, и громкий глоток – чавк-чавк, и отпоротый с висячими нитками подол на юбке, мне – ничего. Поэтому я как Тэтчер, у меня всегда волосок к волоску и колготки даже под юбкой в самом том месте целые. Это я давно завела себе на ум, ведь может же случиться скоропостижность? Может. И меня придется нести, и завернется верхнее, ну и так далее... Изнутри я вся теперь выглажена и надушена. На случай смерти. Это мой им вызов в последний мой час.

Поэтому я говорю Варваре. Очень спокойно говорю:

– Перестань теревить шею. Ты же растягиваешь мышцы, у тебя уже рубец от дурной привычки.

– Что? – спросила она и ноль внимания. Шея от подбородка до горловой ямочки вся багровая, а она ее трет и трет, трет и трет.

– У тебя что, – говорю, – зуд? Ты пробовала тавегил?

– Придется все назад раскручивать, – сказала она. – Надо ехать в Челябинск.

Ничего я не поняла, ничего!

И она поехала, взяла за свой счет неделю, это у нас не проблема. Я вот иногда думаю себе: что это такое – за свой счет? Имеется в виду, что основная наша жизнь идет за чужой счет, что мы – хронические иждивенцы или нахлебники, и ничего у нас своего нет (а так оно и есть), и только иногда, в экстренных случаях, мы позволяем себе жить за свой счет. Дичь! Но ведь если вдуматься, мы этой дичью перепутаны, запутаны и уже давно потеряли элементарные понятия. Ладно, это уже пошла политика, я в нее ни ногой, пусть она горит синим светом, я все равно знаю: в самый радостный момент, когда нам

пообещают четыре сорта колбасы без очереди и натуральную кроликовую шубу по себестоимости (я имею в виду рублей за тридцать пять, потому что мой дядька в своем дворе выращивает этих кроликов столько, что их некуда девать, а шкурки он палит на вонючем костре, потому что державе они даром – а он отдаст! – не нужны), – так вот Варвара в этот момент социалистического изобилия скажет мне: «Ганюля! Озаботься сухой горчицей и бюстгальтерами». И я брошу все и ринусь. И куплю двадцать пачек (если попадетсЯ) горчицы и бюстгальтеры всех размеров на случай потолстения и похудения. Это ведь вполне может быть. Я знаю женщин, которые в месяц теряли свой вес, считай, вполвину, я знаю, это страшная болезнь, не дай бог, но ведь все равно не умрешь сразу, какое-то время походишь в больном виде, значит, надо иметь одежду и на этот случай! Я ведь вам свои принципы внешнего вида уже сказала.

Так вот... Варвара уехала, сварив Ивану Ивановичу и детям рассольник на три дня и холодец, который в хорошем холодильнике может жить без срока давности.

Я одной долькой мозга подумала, интересно, зачем она туда поехала, но у меня в это время были свои обстоятельства, от которых я, можно сказать, поседела. Олег мой надумал жениться, ничего не скажешь, институт окончил, работу имеет, а мне каждый раз не спать, пока он подгребет домой весь в женских запахах, тоже скажу – не радость. Ложусь, а рядом валокордин и рюмочка с водичкой, и коринфар, и спазмалган и так далее.

Олег привел в дом девушку, потом выяснилось, что и не девушка вовсе, а молодая мать, но не в этом дело! Господи, да я люблю детей, может, это единственное, что я люблю без всяких там оговорок и без включения мозга. Люблю, можно сказать, потрохами, хотя для красоты изложения и украшения собственного образа могла бы сказать – детей люблю душой и сердцем. Так вот так не скажу, потому что не знаю. Душа – это очень проблематично, очень. Если она есть, то у нее чисто печеночные реакции, поболит-поболит и перестанет, и никаким она пакостям еще ноги не спутала. Наоборот! Сколько сейчас к ней взываний, а подлее отношений я лично за свою жизнь не видела. Что же касается сердца, то с ним вообще все ясно – мотор и мешок. Так что я люблю детей неизвестно какими потрохами, может, поджелудочной железой, может, сигмовидной кишкой, но где-то там у меня начинается

печь и страдать, когда дитю – любому – плохо. Это чистая правда, но правда и то, что если я такая в смысле детей, то что касается взрослых – нет и нет! Так вот пассия моего дурачка-сына была по национальности пятый пункт, и я сказала: «Олег, как хочешь, у тебя уже высшее, но в нашей стране это все равно что броситься под трамвай. И это хоть тебе, хоть ей. Когда-нибудь ты сгоряча, в сердцах обязательно ей скажешь „жидовка“, и что потом делать? Ты же потом сам не сможешь посмотреть на себя в зеркало».

Я чувствовала себя очень умной в этой своей речи. Это у меня бывает, когда я себе нравлюсь, так сказать, в «словесном исполнении». Хорошенькое слово вовремя возникает под языком, предложения вяжутся изящно, как кружева, но главное – мысль. Упругая, сильная, как шланг под напором, бьется в руках, то бишь в кружевах, и сама я в такие минуты делаю себе ничего себе. Покойница-мама говорила: «Ты, доча, бываешь красивая в речи. Ты это используй». Где, мама? Где? Талант, можно сказать, пропал втуне. Но моментами... Я возгораюсь... Сам черт мне тогда не брат... Кого хочешь перевербую. Вот и с сыночком моим была такая же история. Все было: и шланг, и кружево, и гордо запрокинутая голова; и Олежек мой, вижу, не просто меня слышит, внимает, и слова мои, значит, дают в нем размножение. Я и девушке его – женщине это все повторила. Слово в слово. Она, надо признать, из умных, поняла сразу. Во всяком случае, дело между ними пошло на явный спад. В этот момент как раз и уезжала Варвара в Челябинск, почему мне и было не до нее.

Вернулась она окрыленная, энергией налитая. Я знаю, как она выглядит в этих случаях, будто ее только что умело отлюбили.

– Имей в виду, – сказала она по телефону, – телевизоров скоро днем с огнем не найдешь. Купи и спрячь, у меня уже в изголовье стоит коробка. Я постелила на нее коврик, знаешь, у меня ручной, бухарский, поставила керамику а-ля гидрия и тип-топ!

У меня же слова в горле про Олега и его девушку-женщину с пятым пунктом просто спеклись в горле. Я ей их едва выхрипела, а она как закричит не своим голосом:

– Не уходи! Я к тебе еду!

Примчалась. Вид! Видели бы вы... Помада только на верхней губе, нижняя вся слизана. Пальто набросила прямо на застиранный халат (исходя из возможной скоропостижности меня налыгачем из

дома в таком виде не выгонишь), сапоги на ней той степени разношенности, что они уже не обувь, а исключительно средство передвижения. У нас во дворе на Звездном живет одна дурочка в медицинском смысле, она носит на ногах посылочные ящики, привязанные лентами. «Ах, говорит, вы не представляете, как легко, удобно и не скользит». Варварины сапоги это уже близко к посылочным ящичкам, просто два шага – и фанера. И она мне с порога метнула в руки бумажку, которая оказалась не чем иным, как свидетельством о рождении ее сына Игоря, в котором черным по белому было написано: отец Клейнер, мать Клейнер-Колотушкина.

– Следующий этап, – сказала она как-то сипло, будто у нее все изнутри склеилось и слову приходится пробивать себе проходы в этой склеенной тесноте, можно сказать, кайлом, почему и появляется у слова необычайная освобожденная сила, оно не просто само действует, у него – борца эдакого – возникает еще и моральное право производить впечатление. Дескать, вон как я к вам пробивалось, через какие спазмы и фарингитную сухость. – Так вот, – продолжает Варвара, – следующий этап, это я уже просто Клейнер, потом Иван войдет в Клейнеры, а Марья уже будет чистенькая, как утренняя роса. – Голос ее окреп, и она уже закричала: – Твоему сыну и тебе, идиотка, Бог послал удачу, а с твоим подозрительным именем у тебя вообще все могло пойти как по маслу... Детей надо отправлять отсюда... Ты что, не понимаешь? До тебя не доходит? Догоняй эту Олегову бабу и кидайся ей в ноги. Скажи, что на тебя памороки нашли. Это твой шанс, дура. Это не то, что у меня. Мне теперь паспорт менять, мне теперь из себя колотушкой Колотушкину выбивать. Все!

Она схватила бумажку и исчезла, грюкнув на прощание своими посылочными ящиками.

Я хожу по квартире, где с Варвариной подачи уже много чего по два, по шесть, по восемь. Я уже тоже успела, пока она ко мне ехала, освободить угол для будущего телевизора и уже вытрусилась на балконе левый остаток от шикарной старинной плюшевой скатерти, правый давным-давно был изжеван собакой. Я была – как мне казалось – готова к зиме, лету и переходным периодам. Я жила в тугом натяжении между возможностью тотальной карточной системы и разнузданностью рынка. По собственной натянутости я могла перебежать в нужном мне направлении. И как оглушительно

убедительный аккорд моей непобедимости перед всеми врагами в моем паспорте при помощи всевозможной химии и туши уже давно было написано, что я – Паня! Тарасовна! Дибичева! «Задохнитесь, жабы! – сказала я всем. – Задохнитесь!»

И теперь я рву на себе волосы, я кручусь в своем бункерочке на пятом этаже, я криком взываю к Всевышнему: «Боже, как? Боже, что?» И я уже не замечаю, что одета, хоть и быстро, но со свойственной мне аккуратностью, что я уже бегу, потому что мне надо найти эту девушку-женщину, с которой, даст Бог, не порвалась хрупкая нить и которой я брошусь, брошусь в ноги...

О книге

Книга подготовлена пользователями библиотеки <https://fb2.top>.
Читайте или скачивайте эту и другие книги на сайте библиотеки бесплатно и без регистрации.

Адрес публикации: <https://fb2.top/emigraciya-po-russku-hellip-166758>